

7. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. СПб: Питер, 2006.
8. Сироткина И. Как приготовить вкусный бренд? М.: Альфа-Пресс, 2005.
9. Тамберг В., Бадьин А. Бренд: Боевая машина бизнеса. М.: Олимп-Бизнес, 2005.
10. Уиллер А. Индивидуальность бренда. Руководство по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
11. Чернатони Л. Брендинг. Как создать мощный бренд. М.: Юнити-Дана, 2006.
12. <http://vespig.wordpress.com/2010/06/11>
13. <http://www.trandmarka.com/articles.php?chapter=16&article=59>

А. Д. Кузьмин (Курган)

Игумен Далматова монастыря Афанасий Любимов – соратник Петра Великого

Сейчас историки и искусствоведы Курганской области думают над тем, как поднять в представлении граждан России общественно значимый статус Далматова монастыря. Исторически он долгое время был форпостом русской колонизации Западной Сибири, еще в начале прошлого века считался «знатнейшим в Сибири». Однако в годы воинствующего атеизма его славная история была намеренно затушевана, и ныне приходится рассказывать о монастыре почти «с чистого листа». Брендирование монастыря будет проходить параллельно с восстановительно-реставрационными работами, средства на которые выделяются из федерального бюджета. Брендирование территорий невозможно без «привязки» их к широко известным популярным историческим именам и событиям. На основе данной статьи могут быть развернуты многочисленные тексты, доступные для широкой публики.

«Речевист по премногу»

Алексей Артемьев сын Любимов обладал незаурядными способностями. Родился он в 1641 году в семье тюменского казака. После ранней смерти мужа Пелагея Любимова в Тюменском Алексеевском женском монастыре постриглась в монахини под именем Параскевы. Сына же своего отдала на послушание в Успенский Далматов монастырь, где он в 1666 году также был пострижен. Природные задатки и высокое умственное развитие юноши заметил митрополит Сибирский и Тобольский Корнилий. 18 октября 1667 года Афанасий был рукоположен во чтеца, иеродиакона и определен ризничим к Тобольскому Софийскому собору.

Отправившись в Москву, митрополит взял с собой и подающего надежды иеродиакона. Именно во время этой поездки Афанасию довелось поучиться в патриаршей школе Московского Чудова монастыря и познакомиться с воззрениями выдающегося православного богослова Епифания Славинецкого, сторонника новой обрядности и знатока греческой культуры.

Но дела звали домой. А в Далматовом монастыре тогда было как раз очень беспокойно. «Менее благоуспешно, чем мятежно, смутно было управление, – говорится в «Древней рукописи архивных актов», дошедшей до нас в варианте, упорядоченном в XIX веке. – На степени строителя несет бремя одного старец Никон едва ли не меньше года: а сколько бесчинств, раздоров, сколько смут обнаружилось между тем в Далматовской пустыне! В Тобольск к первосвятителю то от строителя, то на строителя идут только что челобитные...

Начало управления игумена Афанасия в Далматове монастыре ознаменовалось приключением довольно прискорбным. Оно показывало, до какой крайности озлобил, ожесточил против себя строитель Никон и вкладчиков, и крестьян пашенных. Челобитная тех и других рассматривалась еще в Софийском судном приказе, поверенные от тех и других вкладчики Тимошка Анисимов (это Тимофей Анисимович Невежин – будущий первый слободчик Царева Городища на реке Тоболе – А. К.), Федотко Ларионов, крестьянин Васька Софроньев старца Никона ждали для очной ставки в Тобольске. Неизвестно, эта ли медленность, сочтенная, быть может, челобитчиками поблажкою строителю со стороны правительства, или новое оскорбление, новая досада без ведома настоятеля строителем была причинена кому-либо из челобитчиков, только двое из числа пашенных крестьян (Мишка да Спирка Микитины) посулились было (не по заговору ли) в феврале 1675 года на жизнь старца Никона, и так бесчеловечно его изрезали, что более года препятствовали ему отлучиться из монастыря раны и изнеможение. Преступление само собой обнаруживало преступников; они не заперлись и игуменом Афанасием были в Тобольск в приказную избу пересланы» [1: 146–146об].

Беспокойное хозяйство

Теперь обратимся к деятельности Афанасия на посту настоятеля. От него требовалось и хозяйство вести, и порядок поддерживать, и быть духовным наставником для всего окрестного населения. Весной он направил на лошадях на новую заимку при реке Пышме значительное количество семян и припасов в распоряжение «прикащика» Андрея Раздеришина. Для надежности послал туда «старцев добрых погодно для присмотру, чтобы казенного хлеба потери там не было». Послал в Тобольск старца Серапиона и с ним для домового обиходу серебро чудское, добытое, вероятно, из курганов и купленное в Китайском остроге [1: 1об].

Афанасий по-прежнему оставался доверенным лицом архиепископа. 13 февраля 1676 года наказной памятью владыка поручил игумену рассмотреть поведение священника церкви Богоявления Господня Катайского острога Ивана Никитина (Соловьева), который, как сказано в челобитной той же церкви пономаря Емельяна Федосеева, «ведет себя в святой церкви бестрепетно и в приходе безчинно», а также расследовать поступки бывшего строителя Рафайловского монастыря Сильвестра и некоторых старцев, которые жаловались, что строитель «ни в чем не радеет и их, старцев, и вкладчиков, бьет безвинно», между тем, как сами они оставались виновниками всех беспорядков [1: 1об].

Тем временем застарелый конфликт в Далматовом монастыре приблизился к развязке. Никон выздоровел. Обратимся еще раз к «Древней рукописи архивных актов»: «Старец Никон в феврале 1676 года уже был здоров телом, но не мог здоров быть и спокоен духом». По наказной памяти 24 февраля 1676 года ко дню Алексия человека Божия в Тобольск игуменом Афанасием высланный, он, конечно, в Софийском судном приказе держал очную ставку с поверенным крестьян пашенных (Василием Софроновым) и вкладчиков (Тимошкою Анисимовым) и челобитной их никак не мог опровергнуть. Вот что в той же наказной памяти к игумену Афанасию написано: «Никону впредь в строителях быть не велеть, потому, будучи он в строителях в монастырской казне чинил хитрость большую и всякие дела делал без брацкаго ведома, и вкладчикам, и крестьянам, и бобылям налоги и обиды чинил» [1: 149].

Влияние монастыря распространялось на все ближайшие приходы. 30 сентября 1677 года по грамоте Митрополита Корнилия Игумену Афанасию было велено, чтобы не только в Далматовском монастыре, но и в храмах села Покровского, острога Катайского, Ощепковой, слободы Камышловской и в Куяровской «совершили Божественную службу против новоизданного служебника, и вечерни, и заутрани, и всякую службу говорили во един голос, а не в два и не в три». В этой же грамоте указывалось, чтобы игумен Афанасий «в сии приходы, разослав от себя памяти против грамоты, располагал православных христиан ходить в святую церковь, исповедоваться и святых таин без сумнения приобщаться, внимательно наблюдал, чтобы раскола явного или тайного между ними не было» [1: 2об].

Считается, что в монастыре Афанасий начал проявлять свой писательский дар. Первое его произведение – толковая псалтырь в четверть листа. Она была написана в 1666 году под воздействием бесед со старцем Далматом. Здесь он приступил к «Шестодневу», то есть толкованию на 1-ю книгу Бытия.

Столичное привечанье

Никто не вечен под луной. 23 декабря 1678 года в схиме скончался митрополит Корнилий. Похоронили его в Тобольском соборном храме. 21 июля 1678

года в Москве во епископа Сибирского и Тобольского хиротонисан архиепископ Павел. Приехав в Тобольск и познакомившись с пастырями Зауралья, архиепископ Павел заметил Далматовского настоятеля и счел, что он будет полезен епархии и русской православной церкви в ином месте и в ином качестве. 31 июля 1679 года он назначил игуменом Исаака, оставив временно Афанасия Любимова в сане «черного попа».

22 августа 1879 года «дана роспись черному попу Афанасию, по коей и в коей означены просить вещи для монастырского служения у царя Федора Алексеевича, при старце Далмате и игумене Исааке». Итак, в столице у царя черный поп Афанасий должен был просить помощи, «чем могла быть обитель крепка против инородцев, на юге за границею кочевавших». Монастырь нуждался также «в защите против насильств жильцов Катайских и Шадринских, – потому что они приезжали разбоем и выводили монастырских крестьян и вотчину пустошили». Монастырю требовалась также защита «против приказчиков, потому что принимали они перезванных крестьян со статки (с имением)». И, наконец, монастырь просил у властей грамоту «на Течу речку с землями, которые по закладной Тюменскаго татарина Еменжилая Бурашева принадлежали монастырю Далматову» [4: 304–305].

Рассудительный сибирский иеромонах понравился патриарху Иоакиму, и он не отпустил его домой, задумав устроить его с наилучшей для русской церкви выгодой. Просьбу же Далмата царь уважил. В сопроводительной грамоте сказано: «От Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича, всей Великия и Малыя и Белья России самодержца, от Москвы по городам, в Переяславль Залеский, в Ярославль, на Вологду, на Тотьму, на Устюг Великий, к Сольвычегодской, Кайгородок, к Соликамской, и в сибирские города, на Верхотурье окольничему нашему, и стольникам, и воеводам, и дьякам нашим, и всяким приказным людям: по нашему Великаго Государя Указу послано с Москвы в Сибирь Тобольскаго уезду в Исетской в Успенской монастырь в далматову пустынь, нашего Государя жалованье – двенадцать книг, двои ризы, четыре стихаря, четыре парунки, две патрихили, два пояса, два улафа, колокол в двадцать пуд, сосуды церковныи, кадило, три ведра церковнаго вина, да колокол в пуд, да покупных из монастырских потреб, два пуда ладану росного, два пуда масла деревяннаго, пять фунтов слюды, два пуда пороху, две пищали, четь пуда олова, сто листов железа белаго, пять пуд укладу, пять сот гвоздья четвертнаго, пуд перцу, десять юфтей кож, пять сот аршин сукна манатейнаго, стопа бумаги писчей, тысяча кремения. Исетского Успенского монастыря с келарем с Никоном, да с православным с тобольским пятидесятником с Митюшкою Княжевым, да с ними ж монастырски служебники Спирька Анисимов, Федька Терентьев; и по нашему Великого государя Указу в русских и сибирских городах окольничему нашему, и стольникам, и воеводам, и дьякам нашим, и всяким

приказным людям Исетскаго Успенскаго монастыря келаря Никона и пятидесятника Матюшку Княжева и монастырских слушников с тем нашего Великаго государя жалованьем и с покупными их монастырской потребы пропускати, и подводы по московским подорожным им давати везде без задержания. Писан в Москве, лета 7190 (1682), февраля в 11 день» [2: 32–33].

Чем же занимается Афанасий в столице? Патриарх почти два года держал его при себе на правах личного секретаря. Было у молодого человека и конкретное поручение – редактировать перевод сочинений святого Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника.

Но затем события приняли другой оборот, и стал востребован как раз организаторский талант Афанасия. До нашего времени сохранился «Разряд без мест царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержца 8190 году». В нем перечислены все новые назначения 1682 года и, между прочим, указано: «Того ж марта в 19-й день поставили во власти первым архиепископом на Колмыгоры и на Вагу крестового священника светейшаго патриарха Афонасия, а ставил его светейши Иоаким патриарх Московсий и всеа Руси со властью» [5: 310].

Немедленный отъезд на новое место службы был отложен, и тому нашлись очень важные причины. Дни царя Федора Алексеевича были уже сочтены. Он скончался в первом часу пополудни 27 апреля. В тот же день, четверг на Фоминой неделе, был наречен «на российское государство в цари» Петр Алексеевич Романов. При всей пышности дворцовых обрядов церемония погребения переплелась с обрядом венчания на царство. 13 мая в Архангельском соборе Кремля архиепископ Афанасий в свой черед служил «по великом государе обедню и панихиду» [5: 317]. 26 мая государем на Московское государство был наречен, наряду с Петром, и Иван Алексеевич.

В торжественной церемонии коронации 25 июня состоялось шествие из Грановитой палаты в собор, и церковные иерархи несли знаки государственной власти – диадему, животворящий крест, шапку Мономаха, скипетр и державу. Архиепископ Афанасий, наряду с тремя другими архиепископами, принял скипетр и передал в руки государям [5: 332].

Спор о вере

Воцарение молодых государей вызвало в столице оживление со стороны всяческой оппозиции: приободрились стрельцы, достигла своего пика расколничья смута. 5 июля 1682 года вожак старообрядцев Никита Добрынин по прозвищу Пустосвят с соратниками был допущен в Грановитую палату Кремля. Далее, как сообщает нам Сергей Михайлович Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», произошло следующее: «Патриарх обратился к отцам с вопросом: «Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» От-

вечал Никита: «Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодателями, и чтоб церкви Божии были в мире и соединении». Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: «Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены из греческих и наших харатейских книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу». «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!», – закричал Никита и сейчас же показал, что он понимает под догматами, обратившись к патриарху с вопросом: зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: «Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!» Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа» [5: 277]. Этот эпизод нашел свое отражение в картине Василия Перова «Спор о вере».

Предание гласит, что Никита, набросившись на Афанасия, вырвал у него половину бороды, вследствие чего Афанасий потом брил и другую половину и служил безбородым. Впрочем, церковный историк начала XX века Степан Григорьевич Рункевич считал, что отсутствие бороды и усов было особенностью организма Афанасия Любимова [4: 492].

Именно в эти дни Афанасий, по указанию патриарха, сел за книгу «Увет духовный», острие ее полемики было направлено против старообрядчества. Он уложился в предельно короткий срок – всего за пятьдесят дней. Понятно, что Афанасием двигали свежие впечатления от спора. 20 сентября труд был уже напечатан тиражом 1200 экземпляров. Его разослали по епархиям и приходам и рекомендовали священникам использовать в проповедях. «Увет духовный» стал главным практическим наставлением против раскола во времена Петра.

К чести и славе государства

Холмогорская и Важская епархия простиралась тогда от границы со Швецией до Урала. Архиепископ Афанасий проявил себя энергичным архипастырем. Основал в городе каменный архиерейский дом и Казённый приказ. По его инициативе были построены Холмогорский Спасо-Преображенский собор и Успенский женский монастырь, возводились новые каменные храмы, восстанавливались старые. Под руководством владыки в Холмогорах были построены сад и ветряная мельница, а в Архангельске и Шенкурске — деревянные архиерейские дворы. Не забыл Афанасий и о своей матери, вызвал ее в свою епархию и рукоположил игуменьей женского Успенского монастыря в селе Лявля.

Владыка основал первую на русском Севере обсерваторию. Архиепископ Холмогорский обладал одной из самых крупных библиотек своего времени. Она состояла из 270 названий и насчитывала до 490 отдельных томов.

Петр I познакомился с архиепископом Афанасием, вероятно, в Москве. Он приезжал в Архангельск трижды. В 1693 году – устраивать верфь, и остался здесь на два месяца. Царь по праздникам ходил в церковь, читал Апостол и пел с певчими на клиросе, часто бывал у архиепископа за трапезой и «много-разумно беседовал с ним». Собираясь в Москву, Петр подарил Афанасию свою карету, карбас флагом и штандартом.

В 1694 году царь приехал в Архангельск для спуска на воду корабля «Святой Петр» после чего предпринял поездку в Соловецкий монастырь. Выдающийся русский историк Сергей Соловьев рассказывает: «Поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился уже святых таин из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия; к счастью, нашелся искусный кормчий, Антон Тимофеев, который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якорь близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где сошел на берег...» [5: 458].

В 1701 году Петр вызвал Афанасия для строительства Новодвинской крепости. Архиепископ распорядился передать из запасов епархии камень на строительство крепости. Своими советами помогал воеводе, князю Прозоровскому оборонять Архангельск от шведов. После того, как все атаки были отбиты, царь пожаловал владыке три трофейных пушки и шведский флаг.

В 1701 году архиепископ Афанасий создал «Описание трех путей из России в Швецию». Она предназначалась для полководцев, а для широкого круга читателей была напечатана лишь в 1838 году. Владыка неплохо разбирался в географии, беседовал с поморами и иностранными путешественниками, знал карты.

В 1702 году глава государства Российского приехал в Холмогоры вместе с царевичем Алексеем, простоял обедню, пробыл у Афанасия полтора часа. 29 июня в Архангельске, в царские именины, архиепископ Афанасий служил в саккосе, подаренном ему Петром. 6 августа он благословил царя, который на 90 кораблях отправился в поход на Нотебург. А ровно через месяц произошло неожиданное. 6 сентября 1702 года архиепископ, к всеобщему огорчению, скончался и был погребен 12 ноября в Холмогорском соборе.

Последний дар

Прошло почти два десятилетия после отъезда «черного попа» из Сибири. Окруженный высокопоставленными лицами, погруженный в события российского масштаба, он мог бы и забыть о своей *alma mater*: кто бы его за это уп-

рекнул? Но нет, в монастырской летописи за 1700 год читаем: «Афанасий, архиепископ Холмогорский, к игумену Исааку посылает деньги на устройство монастыря мужеского и в женском Введенской церкви, в первом он, Афанасий, духовно родился» [1: 3]. Можно ли найти более высокую личную оценку Далматову монастырю? Тогда же Афанасий выслал сюда свое первое сочинение, написанное в 1666 году, – помните? – сопроводив его следующей надписью: «Лета Господня 1700 июня 19 дня, принес в дар Господеву: сию священную книгу Псалтирь толковую, вторую часть, пять кафисм, от кафисмы шестыя до кафисмы первыя надесять – преосвященный Афанасий, милостию Божиею архиепископ Холмогорский и Важеский, в свое обещание во Успенскую Далматову обитель, иже в Сибирской стране, на Исети реке» [3: 344].

В 1707 году Петр, рекомендуя к избранию на северную кафедру кого-либо из иереев, советовал: «которые б были искусные и ученые и политичные люди, понеже та холмогорская епархия у знатнаго морского порту, где бывает множество разных народов иноземцев, с которыми дабы мог тамошний архиерей обходиться политично, к чести и славе Российского государства, якоже и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал» [4: 496].

Примечания

1. [Фонд Далматовского Успенского монастыря с 1651 по 1700 гг.]. Государственный архив в Шадринске. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2432.
2. Край по имени Далмата, в 2 т. Т. 1. Курган, 2001.
3. *Пашков А. А.* Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000.
4. *Рункевич С. Г.* Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Афанасий (Любимов), архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник: Духовный журнал. 1904. Т. 2. Ч. 2.
5. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Книга VII. М., 1991.

Б. А. Куган, Л. Ю. Любушкина (Курган)

Создание развивающей социально-образовательной среды как ресурс повышения привлекательности территории

Существующие сегодня практики создания брендов малых территорий чаще всего приобретают вид нескоординированных точечных усилий и поэтому имеют низкую эффективность. В ситуации развития, к примеру, российского туризма, этот подход приобретает формы поиска «персонажа», который бы